

Л. А. Петроченко, В. О. Чернощекова

СЕМАНТИКА КАНОНИЧЕСКИХ И ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ВИДОВ ПАРЕМИЙ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается употребление паремиологических и фразеологических единиц. Хотя паремии и фразеологизмы являются языковыми стереотипами, возникшими в ходе длительного исторического развития, благодаря своему первоначальному семантическому потенциалу, они путем трансформаций легко приспосабливаются к обозначению новых объектов и ситуаций.

Ключевые слова: семантика, паремия, фразеологизм, стереотип, трансформация, языковая игра.

Паремиологические единицы языка, или паремии, в частности такие, как пословицы и поговорки, многими учеными рассматриваются в неразрывном единстве с фразеологизмами. И хотя существуют разные подходы к проблеме включения/невключения пословиц и поговорок во фразеологический фонд языка, исследователи признают, что, образуя достаточно четко очерченную зону, пословицы и поговорки близко стоят к фразеологическим единицам. Все три группы тесно взаимосвязаны, например провербиальные фразы, т. е. глагольные фразеологические единицы, могут возникать на основе пословиц, и наоборот. Такие трансформации осуществимы, если пословицы, поговорки и фразеологизмы имеют в своей основе один и тот же образ, обладают сходным значением [1, с. 20, 22].

В случае широкого понимания термина «фразеология», можно говорить о том, что пословицы и поговорки участвуют в формировании структуры фразеологической макропарадигмы.

В современной науке, связанной с выдвиганием принципиально новых методологических принципов в изучении особенностей постижения мира сознанием человека, принято различать физическую (объективную) картину мира, концептуальную картину мира и языковую картину мира (ЯКМ).

Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире [2, с. 54]. Языковая, т. е. видимая через призму языка, картина мира состоит как из сетки грамматических и семантических категорий, с помощью которой носители языка интерпретируют действительность, так и из конкретных характеристик предметов, в которых устойчивые представления сочетаются с оценками и образцами поведения [3, с. 171].

Языковая картина мира, так же как и концептуальная, не существует непосредственно. Прежде

чем исследовать, ее необходимо реконструировать, опираясь на факты языка. Н. Ф. Алефиренко считает, что «логико-предметное содержание элементов ЯКМ соотносится с *понятиями*, а экспрессивно-образное и эмотивно-оценочное содержание ЯКМ генетически связано с *представлениями*. Первые вербализованы терминами, терминосочетаниями и прямо номинативной лексикой, а вторые – знаками вторичной и косвенно-производной номинации (метафорами, фразеологизмами, паремиями)» [4, с. 202].

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается». Язык же эволюционирует медленно, поэтому языковая картина мира отражает состояние восприятия действительности, сложившееся в прошлые периоды развития языка в обществе. Семантика языковых единиц еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений, поэтому языковую картину мира иногда называют наивной [5, с. 39; 6, с. 65; 2, с. 54]. Однако, как отмечают исследователи, за «наивностью» языковой картины мира стоит опыт десятков поколений. Таким образом, «наивность» связана с отражением бытового, обыденного восприятия порядка вещей в противоположность их научному пониманию и объяснению [1, с. 38].

В частности, это касается паремиологических и фразеологических единиц, формирующих тот сегмент языковой картины мира, который более чем другие ее части отражает не современные, а преимущественно исторические представления этноса о мире.

Паремии и фразеологизмы являются ярко выраженными языковыми показателями стереотипизации, если исходить из понимания стереотипа как устойчивого, т. е. воспроизводимого, а не создаваемого каждый раз заново сочетания, закрепившегося в коллективной памяти на уровне лексем. Он является ориентиром, элементом языка, необходимым для упрощений и обобщений [3, с. 155; 7, с. 12]. «Показателями стереотипизации являются: повторяемость характеристики предмета в различ-

ных высказываниях, что можно исследовать статистически, а также закрепление этой характеристики в языке, а именно в значениях слов, о чем мы можем судить на основе анализа словообразовательных производных (дериватов), метафор, фразеологии, пословиц и поговорок ...» [3, с. 169].

Как уже отмечалось выше, языковая картина мира включает зафиксированные в единицах языка устойчивые представления о действительности в сочетании с оценками и образцами поведения. При изучении паремиологических единиц рекомендуется учитывать тот факт, что, например, пословицы являются и языковыми единицами, обладающими конкретными элементами вербальной и логической структуры, и образцами поведения (behaviors), обладающими мотивами, стратегиями и результатами, поэтому необходимо обсуждать не только то, чем они являются в семантическом и структурном смысле, но также и то, что они делают в смысле социальном и поведенческом [8, с. 2].

В устной и письменной речи паремии и фразеологизмы легко узнаются при употреблении их как в каноническом виде, так и в виде различных трансформаций. Следующие примеры показывают каноническое употребление, которое по форме и значению фиксируется словарями:

'I'd like to talk about Samuel Miller, Miss Cook, if you're happy about that.'

"Sure. Why not? Him and me, we were going to get married but he walked out on me. Got cold feet, I guess. I'd been married before but he never had. Still, it's all *water under the bridge* now, isn't it?" (Rendell. Not in the Flesh).

В данном случае женщину просят в полиции рассказать о своем друге, который покинул ее без объяснения причины много лет тому назад. Она готова принять участие в разговоре, поскольку все, что случилось когда-то, уже прошло и перестало ее волновать. В этом и состоит «социальный смысл» употребления фразеологизма 'water under the bridge' (рус. 'вода под мостом'), который имеет также вариант в виде поговорки 'A lot of water has passed under the bridge since ...' [9, с. 412].

Suddenly Tredown said, speaking in a strong voice, 'I'm going to die. I shan't last long now.' He looked hard at Wexford. 'Please don't say anything cheerful such as *while there's life there's hope*' (Rendell. Not in the Flesh).

Смертельно больной человек просит собеседника не говорить ему утешительных слов вроде пословицы 'While there's life there's hope' (рус. 'Пока есть жизнь, есть и надежда') [10, с. 119]. Ситуация предполагает, что собеседник может попы-

таться внушить больному, что не следует терять надежду, нужно верить в выздоровление и т. д. [11, с. 300], но больной, зная свое состояние, пресекает такую возможность развития «сценария».

Паремии и фразеологизмы нередко подвергаются различного рода трансформациям, которые несут особую смысловую нагрузку. Анализируя употребление пословиц, С. Вьеллар, в частности, пишет: «Искажение формы пословицы приводит, как правило, к сужению ее денотативного значения: переделанная пословица отсылает к отдельному, конкретному факту. Таким образом, осуществляется переход от характерной для пословицы *денотации*, которая отсылает к целому классу объектов-ситуаций, к *конкретной десигнации* отдельного объекта-ситуации» [12, с. 269]. Сказанное относится и к поговоркам, и к фразеологизмам. Например:

Lulu grinned. 'Oh, you really are ghastly, Josh.' She always took his jibes in good part. Jane was unsure whether Lulu simply didn't get half of them or tolerated them because she realised she had an ally in Josh. Did Lulu, after all, know *what side her sushi was wasabi'd on*? (Holden. Simply Divine).

Данный пример демонстрирует особенности лексической субституции в фразеологизме 'know which side one's bread is buttered (on)' (рус. 'знать, с какой стороны чей-л. хлеб намазан маслом'). Связь между канонической формой фразеологизма и его трансформированным вариантом не вызывает сомнений. И исходный фразеологизм, и вариант с лексической субституцией имеют одно и то же значение – знать свою выгоду [9, с. 38]. Замена лексемы bread (n) на sushi и лексемы (to) butter (v) на (to) wasabi (окказиональный глагол, образованный путем конверсии от существительного wasabi 'жгучая японская специя') не только создает комический эффект, но и отражает конкретную ситуацию в редакции 'гламурного' журнала. Лулу без видимой обиды воспринимает насмешки главного редактора. У других сотрудников возникает предположение, что она терпит их, чтобы сохранить расположение начальника. Она знает, «с какой стороны ее хлеб намазан маслом», но трудно представить себе, чтобы Лулу, заведующая отделом моды, ела 'хлеб с маслом' в прямом смысле этого сочетания, лежащего в основе фразеологизма; 'суши с васаби' более подходящая для нее еда.

There was no point, having worked away at Nick for the last few years and finally succeeded in moving in with him, to risk the *bird-in-the-hand* reality of a permanent relationship by having a crush on the upstairs neighbour (Holden. Simply Divine).

Героиня повествования размышляет над проблемой, решение которой может повлиять на всю ее дальнейшую жизнь. У нее есть друг, за которого она, не без основания, надеется выйти замуж, но ситуация осложняется внезапно вспыхнувшим интересом к весьма привлекательному соседу. В данном случае явно видна часть пословицы ‘A bird in the hand is worth two in the bush’ (рус. ‘Птица в руке стоит двух в кустах’). Она задает программу поведения человека: не стоит пренебрегать реальным, верным делом (перспективой) ради нереальных замыслов (мечтаний) [10, с. 29]. Сокращение пословицы до одного синтаксического слова (bird-in-the-hand), используемого в функции определения, не влияет в этом контексте на понимание стоящего за этим словом более широкого пословичного смысла.

‘I mean to say,’ Grimble began, ‘if I tell you something that may put you on the right road to catching a criminal, will you use your influence to get my permission?’ <...>

‘What permission would that be?’ Wexford asked.

‘Didn’t he tell you?’ Grimble said in his surly grudging voice. He cocked a thumb in Burden’s direction. ‘It’s not as if everybody don’t know. It’s common knowledge. All I want is to be told I can build houses on what’s my own, my own land that my dear old dad left me in his last will and testament – well, my stepdad he was, but as good as a father to me. So what I’m saying is, *if I scratch your back will you scratch mine?*’ (Rendell. Not in the Flesh).

На пустующем участке, принадлежащем м-ру Гримблу, обнаружены останки неизвестного человека. Хозяин готов содействовать следствию, если полиция поможет ему получить разрешение муниципалитета на строительство. Итог разговора он подводит пословицей ‘*You scratch my back, and I will you scratch yours*’ (рус. ‘Почешу тебе спину, и я почешу тебе. Услуга за услугу’). Эти слова означают скрытое соглашение заинтересованных сторон и обычно подразумевают коррупцию [11, с. 318]. Неуверенность м-ра Гримбла в возможности достичь с полицией такого соглашения выразилась в структурной трансформации пословицы, потребовавшей замены утвердительного типа предложения вопросительным, а также замены местоимений. При этом основные лексические компоненты пословицы были сохранены.

Особый интерес в связи с использованием паремий и фразеологизмов в различных контекстных условиях представляют языковые игры, в которых могут быть представлены как канонические виды, так и трансформации названных языковых единиц. Хотя принято считать, что игра как широкий круг деятельности лишена прямой практической

целесообразности и, следовательно, противостоит обычной утилитарно-практической деятельности [13, с. 195; 14, с. 395], в языковом плане она может носить сугубо прагматический характер, как, например, в следующем случае:

‘It still seems odd to me,’ said the Praelector, ‘that we should have been chosen for his retirement.’

‘Perhaps *his bark is worse than his bite,*’ said the Bursar hopefully <...>.

‘One must assume that it was a case of *any port in a storm,*’ said the Dean.

‘And as far as the College Council is concerned I think the best policy will be one of ... er... amiable inertia,’ the Praelector suggested. ‘That has always been one of our strong points.’

‘There’s nothing like prevarication,’ the Dean agreed <...>.

The Dean smiled and stubbed out his cigar.

‘*There are more ways of killing a cat than stuffing it with ...*’ (Sharpe. Porterhouse Blue).

В этом примере сотрудники колледжа обсуждают действия и намерения нового ректора. Они не хотят, чтобы разговор был подслушан и понят кем-либо, и поэтому изъясняются намеками в форме пословиц и фразеологизмов. Цель такой игры – скрыть истинный смысл разговора от непосвященных. Слова казначея о том, что, возможно, новый ректор не так страшен, как он кажется (His bark is worse than his bite) – это пословица, берущая свое начало в латинском языке [15, с. 26]. Близкими ей по значению являются пословицы ‘A barking dog bites little’, ‘Barking dogs seldom bite’ и т. д. (рус. ‘Лающие собаки редко кусают’) [10, с. 75; 15, с. 157]. Все они имеют цель – успокоить человека: тот, кто грозен на словах, редко бывает грозным на деле. Продолжая разговор, декан высказывает предположение, что для ректора назначение на эту должность стало “гаванью в бурю” (it was a case of any port in a storm), то есть его назначение было связано с какими-то проблемами на предыдущем месте работы. Далее собеседники обсуждают вопрос о средствах “нейтрализации” активности нового ректора. Декан считает, что добиться желаемого можно многими, необязательно прямыми способами: ‘There are more ways of killing a cat than stuffing it with...’, В этом случае используется пословица ‘There are more ways than one to kill a cat’ в ее варианте ‘There are more ways to kill a cat than choking/stuffing her with cream’ (рус. ‘Существует гораздо больше способов убить кошку, чем один’) [10, с. 184]. Пословица подсказывает человеку, что если один метод достижения цели не оправдывает ожиданий, то существует большой выбор других методов [11, с. 260].

Только контекст дает возможность понять психологические мотивы, социальные установки и ролевые отношения участников коммуникации, в результате которой меняется значение или рождается новый смысл слов [16, с. 203].

‘You are flirting disgracefully with him (Dorian),’ said Lord Henry to his cousin. ‘You had better take care. He is very fascinating.’

‘If we were not, there would be no battle.’

‘Greek meets Greek, then?’

‘I am on the side of the Trojans. They fought for a woman.’

‘They were defeated.’

‘There are worse things than capture,’ she answered.

‘You gallop with a loose rein.’

‘Pace gives life,’ was the riposte.

‘I shall write it in my diary to-night.’

‘What?’

‘That a burnt child loves the fire.’

‘I am not even singed. My wings are untouched.’

‘You use them for everything, except flight’ (Wilde. The Picture of Dorian Gray).

В данном контексте речь идет о флирте между кузиной лорда Генри и Дорианом Греем, который пользуется большим успехом у женщин. Лорд Генри предупреждает девушку о том, что ее увлечение может таить в себе опасность, но она видит в Дориане достойного соперника, «ту вершину, которую нужно покорить». Языковая игра, в которой участвуют лорд Генри и его родственница, выражает идею состязания. В ней видны и аллюзия (the Trojans), и паремии, являющиеся инструментом метафорического описания межличностных отношений. ‘Greek meets Greek’ представляет собой часть пословицы ‘When Greek meets Greek, then comes the tug of war’ [11, с. 296]. Используя ее, лорд Генри говорит, что «битва между равными по силе соперниками будет долгой и жестокой». ‘A burnt child loves the fire’ является трансформацией пословицы ‘A burnt child dreads the fire.’ [11, с. 33]. Каноничес-

кий вариант этой пословицы предупреждает: если кто-то уже имел неприятный опыт в своей жизни, то ему следует в дальнейшем избегать источника такого опыта. Намек лорда Генри в данном случае состоит в том, что у его кузины уже были «проблемы», но она не желает учитывать уроки прошлого.

Этот диалог, несмотря на игровую форму вербализации информации, что делает речь героев яркой и выразительной, имеет, как и в предыдущем примере, явную прагматическую установку – не называть вещи своими именами, поскольку обсуждается личная жизнь, характер отношений между мужчиной и женщиной.

Анализ различных контекстных условий употребления паремий и фразеологизмов показывает, что названные языковые единицы благодаря своему первоначальному семантическому потенциалу создают возможности для широкого их использования и в каноническом, и в трансформированном виде для обозначения не только самых общих ситуаций со стереотипной характеристикой свойств и объектов, но и ситуаций совершенно конкретных, индивидуальных.

Наиболее частотный способ индивидуализации состоит, конечно, в использовании различного рода структурно-семантических трансформаций. Семантический аспект паремий и фразеологизмов можно «скорректировать» путем замены отдельных лексических компонентов при сохранении матрицы языковой единицы. Структурный аспект обычно предполагает такие трансформации, как *усечение* текста языковой единицы, которое предполагает, что реципиент сможет сам восстановить недостающую часть, *перестановку компонентов* текста, *преобразование* текста в синтаксическое слово, если языковая единица имеет замкнутую структуру и представляет собой предложение, и т. д. При всех структурно-семантических преобразованиях языковая единица этой группы обычно сохраняет свою социально-поведенческую роль – она продолжает предлагать заложенные в ней видение мира, оценки и образцы поведения.

Список литературы

1. Иванова Е. В. Мир в английских и русских пословицах: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. 280 с.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.
3. Бартмицкий Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Пер. с польского. М.: Индрик, 2005. 528 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.
5. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
7. Бартмицкий Е. Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей. М.: РГГУ, 2009. С. 11–21.
8. What Goes Around Comes Around: The Circulation of Proverbs in Contemporary Life / Ed. by K. J. Lau, P. Tokofsky, St. D. Winick. Logan: Utah State Univ. Press, 2004. 190 p.
9. The Wordsworth Dictionary of Idioms / Ed. by E. M. Kirkpatrick, C.M. Schwarz. Ware: Wordsworth Editions, 1993. 432 p.

10. Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей / М. В. Буковская, С. И. Вяльцева, М. В. Дубьянская и др. М.: Рус. яз., 1985. 232 с.
11. The Facts on File Dictionary of Proverbs: Meanings and origins of more than 1,700 popular sayings / Ed. by M.H. Manser. N.Y.: Facts on File, 2007. 499 p.
12. Вьеллар С. Пословица в ткани газетного дискурса // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей. М.: РГГУ, 2009. С. 264–278.
13. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 836 с.
14. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
15. The Wordsworth Dictionary of Proverbs / Comp. by G. L. Apperson. Ware: Wordsworth Editions, 1993. 721 p.
16. Абакарова Н. М. Языковая игра в семантическом пространстве текста // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / Отв. ред. член-корр. РАН Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2006. С. 201–206.

Петроченко Л. А., кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: lypetrochenko@yandex.ru

Чернощекова В.О., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: chernvika@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 08.07.2010.

L. A. Petrochenko, V. O. Chernoschekova

SEMANTICS OF CANONIC AND TRANSFORMED TYPES OF PROVERBIAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS (DATA OF ENGLISH)

The article deals with the use of proverbial and phraseological units. Although proverbs and phraseological units are lingual stereotypes originated in the course of long historical development, through their initial general semantics they can be easily adapted by means of transformations for designation of new objects and situations.

Key words: *semantics, proverb, phraseological unit, stereotype, transformation, word-play.*

Petrochenko L. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.

E-mail: lypetrochenko@yandex.ru

Chernoschekova V. O.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634061.

E-mail: chernvika@yandex.ru